

К.Лукашевич

Даша севастопольская

*Первая сестра милосердия*

Рассказ

В окрестностях Севастополя, в одной из котловин инкерманских высот, на берегу большой бухты, находился поселок по названию Сухая Балка. В этом поселке дома были невзрачные, и жили в нем все люди небогатые, по преимуществу, семьи матросов. Беднее других был крайний домишко в Сухой Балке. Он совсем почти развалился, крыша обветшала, забор покосился, одно окно заколочено доской: видно, некому было его поправить. Домишко этот принадлежал сиротке Даше. Мать ее давно умерла, а отца-матроса убили при Синопском сражении, когда девочке было тринадцать лет.

Даша жила одна-одинешенька, в большой бедности. Занималась она рукоделиями, ходила работать поденно и много видела горя за свою короткую жизнь. Тяжело живется на свете круглой сироте, осудит и обидит всякий, а заступятся, научат уму-разуму и приголубят немногие.

Жены матросов недолюбливали сиротку, иначе как "Дашка" ее не называли: "Дашка-де и неряха, она и грубиянка, и лентяйка..." Может быть, и правда, что не все делала, как следует, молоденькая девочка, да некому было научить беззащитную сироту. Разве изредка какой-нибудь старый матрос пожалеет и мимоходом перекинется словечком-другим с сироткой Дашей.

Время, с которого мы начинаем свой рассказ было тревожное. Носились зловещие слухи о войне, и никто не мог быть спокоен.

Один раз, дело было под вечер, Даша стояла, прислонившись к воротам своего дома. Это была маленькая, худенькая девочка лет пятнадцати, очень миловидная, с длинной, толстой, русою косой. Она задумалась и грустно переводила глаза с окрестных гор на море, где заходящее солнце золотило поверхность и где виднелось множество судов.

- Здорово, Даша! Что задумалась? - раздался неожиданно грубоватый мужской голос.

Девушка вздрогнула и очнулась. Перед ней стоял старый матрос, молодецкато сдвинув шапку на затылок, и курил трубку.

- Здравствуй, дядюшка! Присядь на скамеечку, дорогим гостем будешь!

Матрос сел.

- Как живешь, Дашенька?

- Плохо, дядюшка. Сам знаешь, каково жить сироте. Напраслину скажут, обидят, - никто не заступится, не пожалеет.

- Такие ли бури бывают. Терпи... На то ты дочь матроса, чтобы штормов не бояться... Твой отец был ерой. За родину погиб...

Слезы набежали на глаза девушки, и она тяжело вздохнула.

-И то, дядюшка... иногда задумаешься об отце... Таково тяжело станет... Принял смерть, и родная рука глаз не закрыла.

Даша задумалась, но тотчас отерла слезы и спросила:

- А что, дядюшка, правда ли, говорят, что у нас скоро опять война будет?

- Может, и будет, может, и нет, - уклончиво отвечал матрос.

- Какое страшное дело эта война! Сколько народу безвинного погибнет... Сколько сирых останется.

- Тебе-то что, девушка? Терять тебе некого. На войну, пожалуй, тоже не возьмут. - Старый матрос рассмеялся.

-Подумать страшно, дядюшка, как воюют: кровь льется, раненые стонут и мучаются, умирают. Ох, как страшно!

- Уж это известное дело, когда война, тогда и раненые и убитые...

- Дядюшка, если будет война, я пойду за ранеными ухаживать... Ей Богу, пойду, - быстро